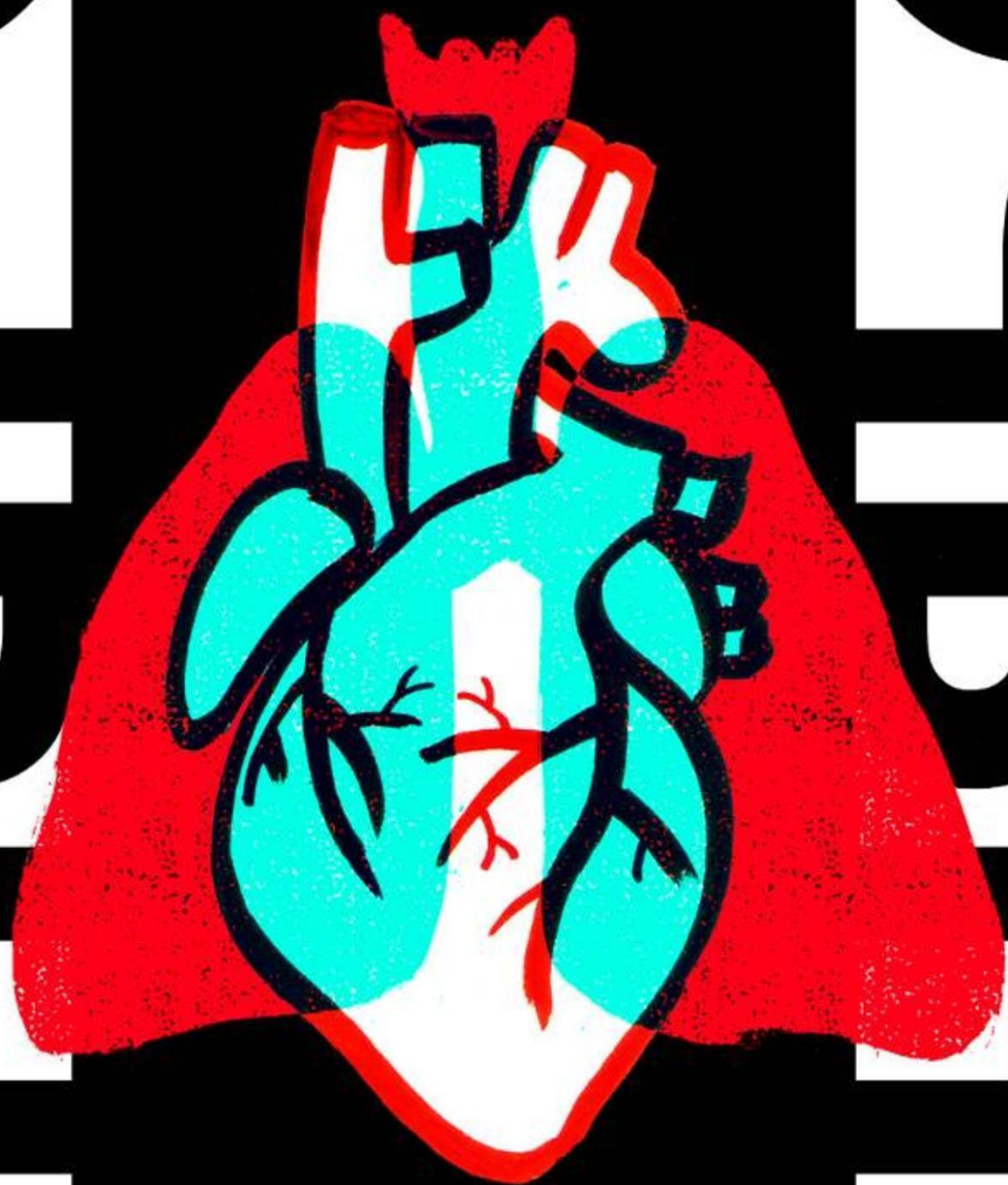


Григорий Дерябин

НОЧЬ



СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

сборник рассказов

18+

Григорий Дерябин

Ночь

«Автор»

2026

Дерябин Г.

Ночь / Г. Дерябин — «Автор», 2026

Клонирование, застилающая небо туча саранчи, постапокалиптическая Москва, гражданская война, Ленин и дети, бессмысленность и тлен. Вот что вы найдёте в этом сборнике рассказов. Условно эти истории можно отнести к ужасам, фантастике и мистике. Но есть ещё более точный термин — «нереалистическая проза». В книгу вошли 14 рассказов.

© Дерябин Г., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Предисловие от автора	5
Шанхай	6
Май. Май! Май?	9
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Ночь

Предисловие от автора

В этой книге собраны рассказы, написанные мною примерно с 2005 по 2020 годы. Это разные истории, объединённые одним — в них нет ни грамма реализма. Именно поэтому рассказы в каких-то моментах очень точны в описании действительности.

Так, конечно, не было задумано. Но так получилось как-то само собой. Я более чем уверен, что после написания история живёт своей жизнью, а автор над ней уже не властен. Понимают её так, как понимают, а что там задумывал автор — дело десятое. Но должен признаться, иногда автор вообще ничего не задумывает... Это, впрочем, большой секрет.

Шанхай

...Потом и эти деньги кончились. Телефоны друзей больше не отвечали, и даже в самых сомнительных местах ему перестали давать кредиты, как будто всеми этими точками заведовали одни и те же люди. Может, они просто по одному внешнему виду понимали, что денег ему давать нельзя. Но ему все еще везло.

Он запомнил тот день, особенно электричку, на которой он добирался до Химок — денег на бензин не было. Напротив сидела похожая на мужчину женщина в джинсовой куртке. На коленях ее стоял рюкзак защитного цвета, сбоку которого была притулена полупустая бутылка воды. Женщина как-то очень нежно, так, что ее некрасивое лицо становилось привлекательным, говорила с кем-то по телефону. Он почему-то подумал, что с другой женщиной.

Потом он доехал. Вышел на платформу и отправился, увязая в слякоти, вглубь города — у него была бумажка с нужным адресом. Сорвал ее где-то на Ленинградском вокзале. «Банк» был расположен в подвале пятиэтажки, на стене рядом был наклеен отпечатанный на принтере листок с красными буквами «Кредиты». Спустившись по шербатым ступенькам, он потянул железную дверь с надписью «не хлопать» и оказался в узком коридоре с трубами по бокам. Из-за грязно-желтого освещения он почувствовал, что попал в артхаусный фильм, название которого забыл. Помнил только этот мутный свет и коридоры. Пройдя метров десять, уперся во вторую дверь, в которой было выпилено маленькое прямоугольное окошко. Постучал. Спустя примерно минуту послышались шаги. Через окошко на него поглядел человек с одним глазом — на втором была повязка. Он вспомнил, что в рекламном объявлении подвальный банк назывался «Нельсон». Одноглазый осматривал его секунд десять, потом устало спросил: «Сколько?»

Из Химок он поехал прямо в аэропорт, надеясь на удачу, и то, что паспорт на имя Владислава Коровина не вызовет подозрений. Еще у него была виза, сделанная, как и паспорт, через нужных людей. На это ушли последние деньги, но теперь у него было еще немного. Самолет в Шанхай отлетал через два часа. Снова повезло. Никто не схватил его за руку, когда он пересекал здание терминала, никто не ткнул ножом в толпе... В полете он прокручивал в голове еще десятки таких сценариев. Уже было не страшно, уже было можно об этом думать.

Окно выходило в серую кирпичную стену, украшенную узором из переплетенных кабелей и труб. Текстура стены была неоднородной, но он успел ее изучить и запомнить, когда ночами лежал без сна, периодически проверяя, не исчезла ли из-под подушки неудобная рукоятка пистолета. Стена меняла цвет вслед за вывеской расположенного рядом бара. Трижды подряд она была красной, потом трижды зеленой, потом опять трижды красной. Ему начало казаться, что это что-то вроде сигнала «SOS», но потом он понял, что это противоположный сигнал, говорящий о том, что спасти уже некого, и лучше держаться от этого места подальше. Сам он так и делал, предпочитая, по привычке, места подороже и поважнее. Даже купил кремовый костюм с белым галстуком и приличные туфли. Одежда была сложена на стуле — единственном предмете мебели в его комнате.

Комнату он снимал у неприятного сухого человека по имени Шен. Между ними сразу возникла тихая и невидимая неприязнь. Оба маскировали ее. Хозяин излишней учтивостью, постоялец излишней вежливостью. Встречаясь в миниатюрном, чуть больше трех метров в ширину, внутреннем дворике строения или на лестнице, они около минуты раскланивались, улыбались и жали руки.

По соседству жил обрюзгший, вечно потеющий немец, представившийся как Рудольф. Он все время ходил с кожаной папкой, и протиснуться мимо него по лестнице было нельзя, а

из его комнаты с шести до девяти вечера звучали песни Мадонны. Еще была некрасивая студентка-китайка, почти не говорившая по-английски и вечно курившая во двореке. Рудольф, проходивший мимо со своей неизменной папкой, пытался с ней заигрывать. Китайка реагировала на это только презрительным взглядом, но немец, кажется, не обижался. Для него это был просто какой-то ритуал, который вроде бы принято совершать холостому человеку.

... Он просыпался ближе к вечеру. Одалживал у хозяина уют, погладить костюм, и ехал на Нанкинскую улицу. Иногда, чтобы с кем-то встретиться, но чаще — чтобы просто затеряться в толпе туристов, блуждающих между неоновыми вывесками. Парочки часто просили его их сфотографировать. Он не отказывался. Так он встретил Светлану. Она гуляла с подругой. На вид ей было лет тридцать пять, и она была одета в вечернее платье. Так он понял, что она тоже русская, но не турист.

— Я — Слава, — сказал он, возвращая фотоаппарат.

В России Светлана была проституткой. Он узнал это от их общего знакомого. Шанхай быстро научил ее играть роль женщины высшего света. Суть ее и род ее занятий, конечно, не изменились. Но по выходным они ходили вместе на кольцевой мост и глядели на завихряющиеся потоки автомобилей, похожих на елочные гирлянды. Потом ехали к ней. Она жила в двухкомнатных апартаментах с видом на море. В коридорах здания, в котором располагалась квартира, стояли аккуратные кадки с фикусами, а в неторопливых лифтах играла усыпляющая мелодия. Все это было похоже на чью-то скучную мечту. Наступила зима. По случаю, они выбрались в ботанический сад, где снег лежал прямо на зеленых листьях. Она сказала — «Как-то это дико», а он только кивнул, хотя диким было все остальное, а снег на листьях был довольно обычным явлением. Было сыро и промозгло. Но он начал привыкать к Шанхаю, и даже съел на улице жареного жука. Подумал о том, чтобы открыть кафе для русских. Рассказал Свете. Они пришли к выводу, что это не бог весть какая идея.

Деньги, как обычно, удалось достать. Он просто-напросто пошел к расположенному рядом с его комнатенкой бару. Третий человек, к которому он обратился, знал английский и провел его к неприметной двери в переулке. Вокруг пахло мочой и гнилыми овощами. За дверью были ступеньки, потом они попали в заполненное табачным дымом помещение. В центре стоял круглый стол, за которым сидел человек со смеющимися узкими глазами. Были и другие... Он чувствовал на себе оценивающие взгляды. Костюм он решил в этот раз не надевать. Наверное, это было правильным решением.

— Сколько нужно? — спросил человек на местном диалекте.

Он назвал сумму. Помедлив, китаец кивнул. Вынесли деньги, Слава написал расписку и сложил их в прихваченную с собой сумку. «Береги себя», — сказал ростовщик на прощание по-английски и погрозил пальцем. Выйдя на улицу, Слава купил бутылку местной водки...

... Потом деньги кончились. Кафе выгорело за неделю. Побывать в нем успели человек десять. Написанную латиницей табличку они выбросили с пирса. Море было беспокойно, все пространство до горизонта усеивали то появляющиеся, то исчезающие пенные барашки, а над горизонтом, вертикально разделяя небо пополам, висела черная грозозная туча, медленно наползающая на город.

— Уедем отсюда, — предложил Слава.

— Куда? — спросила Света.

— Куда-нибудь... На Гоа. Там много русских.

Света промолчала. На следующий день она исчезла, а на двери ее апартаментов появилось объявление «сдается». Подумав, Слава решил, что она все сделала правильно. Когда он возвращался домой, его встретили несколько человек в масках. Это было излишним, он все

равно с трудом отличал лица азиатов друг от друга. Его пару раз довольно осторожно ударили в лицо, а когда упал — по ребрам. На прощанье они сказали «береги себя» и растворились в трущобах. Пахло гнилью и нечистотами. Он поймал ртом несколько снежинок, но почувствовал только вкус крови. Под матрасом в его комнате лежали два билета до Гоа.

До самолета оставалось часа три. Он отправился на Нанкинскую улицу. Попрошаться с городом. Возможно, надеялся встретить там Свету. В кармане лежали билеты и остаток наличности. Пистолет он оставил Шену. «Как жаль, что вы уезжаете», — учтиво сказал китаец. Они, как обычно, долго раскланивались. «Берегите себя», — сказал он на прощание. «Что?» — тупо переспросил Слава. «Гуд лак!» — сказал Шен и улыбнулся. Зубы у него были металлические.

Нанкинскую улицу, как обычно, заполняли поминутно фотографирующие туристы. Они много смеются, много глядят в витрины и на вывески и опасно покупают у торговцев местный фастфуд.

— Не могли бы вы меня сфотографировать, — по-русски обратился к Славе седой человек в кожаном пиджаке и темных очках. На долю секунды ему захотелось броситься бежать. Вместо этого он просто взял у мужчины фотоаппарат. «Первый раз в Шанхае, — с улыбкой пояснил тот. — В командировке. А тут смотрю, лицо прям родное». Слава сфотографировал его на фоне витрины книжного магазина и вернул фотоаппарат. «Спасибо», — сказал незнакомец, и когда Слава отвернулся, несколько раз быстро ударил его раскладным ножом в область поясницы. Слава прошел несколько шагов и привалился к стене. Мимо пролетали лица с узкими глазами, черные лица, лица белые, заплывшие и худые. Люди текли мимо, смеясь и показывая пальцами в витрины. Он сполз по стене и подумал, что надо бы спешить на самолет. Во рту была кровь. Кто-то подошел, потрогал его за плечо. Потом заглянул в лицо. Ему хотелось думать, что это Света. «Как все надоело», — подумал он и закрыл глаза.

Февраль 2013

Май. Май! Май?

(рассказ написан в соавторстве с Александрой Галяутдиновой)

Солнце поднялось в зенит и по городу плыло неспешное марево ипыльцы. Вместе с воздухом застыло и движение (пробки, пробки). Стоял почти мёртвый штиль, а автобус всё не появлялся.

— Мои родители, — начала Май, пронзительно посмотрев на сидящего рядом, — были, в сущности, отбросами. Впрочем, отца я и не видела. Бабка и дед — они нет, они были заслуженные работники офисного труда...

Собеседник хмыкнул и развернул газету. Нахмурившись, погрузился в сводки блог-активности. Май переключилась на стоящих рядом любителей дешёвого айпива.

— Бонумоцилин обладает массой целебных свойств, его можно добавлять в водопроводную воду для обеззараживания и ставить клизму из его раствора — хорошо помогает от бэд-трипов и сушняка. Он также помогает от нежелательной беременности и от бесплодности. Попробуйте, пацаны — протянула кулёк таблеток красивой холёной рукой с чистыми, без следов грязи ногтями.

Кибер-щёнок с тупым от постоянной Сети взглядом взял горсть. Не глядя, попробовал сунуть таблетки в порт на руке, и между пальцев просыпались весёлые желтячки — хлоп, хлоп, хлоп об асфальт. Его дружок неясной половой принадлежности направил слабую бледную руку ко рту и закинулся таблеткой — таким обыденным жестом, что и слепому стало бы ясно: то ли наркоман, то ли тяжёлый больной. Впрочем, сейчас разницы нет — наркоман под пристальным присмотром врачей становится гниющим больным, больной очень быстро превращается в гниющего наркомана.

— Это же плацебо, — сказал прокуренным голоском дружок. Под их ногами радостные улыбки играли в соларном луче. Сальные чёрные патлы щенка мелко, гадко тряслись, обкусанные губы ходили ходуном. Всё ясно, сказала себе Май. Синдром сетевой крысы, тут пара таблеточек не поможет. Наркоман сочувственно поглаживал предплечье друга, обернутое в потрескавшийся синий винил.

— Автобуса не будет, — сказал кто-то из них, не разобрать.

— А... — вяло махнул рукой длинноволосый, и они ушли прочь.

Сосед Май по скамейке всё так же был погружён в чтение, и она, пользуясь моментом, собрала несколько не слишком испачкавшихся таблеток и отправила их обратно в кулёк.

— Так вот, о родителях... - сказала она типу с газетой.

«Она тебе не мать!» — кричала бабушка и рвала на себе иволосы, а дедушка просто смотрел с укоризной исподлобья. «Хочу к маме!» — причитала Май. Так начинался день. «Она тебе не мать. Она б-мать! Биологическая. Воспитали тебя мы. Правда, Вадик?» «Гхм», — говорил исподлобья дедушка, и они уходили в офис — бабушка сутками названивала потенциальным клиентам, предлагая купить ирассаду, а дедушка рассылал рассылки.

Дверь захлопывалась, оставляя Май с квартирой один на один — так, под ход древних часов с кукушкой, убегали дни её детства.

Но однажды, буквально через минуту после того как щёлкнул замок, в дверь тихо, почти неслышно постучали. Май решила — показалось, но стук повторился.

— Кто там? — спросила девочка.

— Май, — тихо сказали за дверью, — это мама...

Квартира б-матери находилась под самой крышей необъятного жилого муравейника в рабочем районе. Окнами она выходила на тихонько чадающие трубы нано-комбината. В радиусе

километра, а то и двух, было не найти живого места — асфальт, голая, мёртвая земля, кое-где — пластиковые деревья, посаженные службой психо-поддержки. Как позже узнала Май, люди стерилизовали округу, чтобы на комбинат нечаянно не попал на ботинке ошмётки травы или пыльца; тогда ей казалось, что комбинат отравляет бесцветное небо лоу-тауна. Она была не так уж далека от истины.

Поначалу Май тосковала по прежней жизни, по садам офисного района, по чистой воде без гадкого металлического привкуса, да и по деду с бабкой. Но постепенно многое забылось, оставив лишь тоскливые сны, от которых жутко просыпаться. Настроение б-матери менялось чаще, чем направление ветра среди ущелий района. Иногда, разозлившись с утра, она целый день сидела в вирт-шлеме, недвижимая статуя, и только под вечер вспоминала о Май. Или уходила на какие-то подработки и вновь оставляла дочь в тоскливом одиночестве. А хуже всего было ждать её ночью, под гнетущий вой ветра за окном, пока что-то то вспыхивало, то взрывалось на комбинате, освещая комнату зловещим красным светом. Занавесок на окнах не было, и укрыться от маячащих сполохов можно было разве что в санузле. А однажды в такую ночь, совсем растерявшись от ужаса, Май спрятала голову в старый шлем с выцарапанной неровной надписью — «helmet of horror».

Заглушки наушников уняли безжалостно-громкий рёв ветра, а чёрные зеркальца дисплеев отрезали перепуганную девочку от кровавых бликов, метавшихся по стенам и голому бетонному полу. На ощупь Май забралась в кресло — единственную мебель в комнате, не считая двух свёрнутых матрасов — и поискала на лаково-блестящей голове кнопку включения. Вдавила обгрызённым ногтём большого пальца.

Глаза резануло синим светом, по мигающему экрану двинулся бегунок. Подождите, система грузится. Войти как gaunkova97 с паролем *****? «Пожалуй», — ответила Май.

Мир вокруг преобразился. Май, не в силах шевельнуться, стояла посреди зелёного луга, по которому медленно двигались полуголые женщины с серой однотонной кожей. Где-то с краю мигала белая стрелка. Не желаете ли посетить выставку ВиртуСтрим на Ялта остров? Только сегодня! Врезных табов сейл! Посетить? Женщины медленно розовели бесстыжей голой кожей. В небе развёртывались флаги и транспаранты, пролетел воздушный шар с эмблемой айколы. Привет, посети мой дом греческой любви. Перед носом у Май выросла, как из-под земли, белая стена, вся в пупырышках штукатурки. Женщины, задирая ноги к ушам и перекручиваясь через голову, принимают томные позы на пластиковых креслах. Внимание, перегрузка личного канала, отключите входящие сообщения. Почти бесплатные квартиры, одна в одни руки! Продаём модели примусов. Посетить? Посетите по Сети выставку волжского автопрома! Требуется бухгалтер, посетить. Посетите, посетите, по сети посетите. По Сети? Май дёрнула в мире телесном руками, отмахиваясь от красных и белых посланий, бьющих в глаза, и свалилась с кресла. Из расшатанной розетки выскочила чёрная гадюка — штепсель. Видимый мир свернулся на дисплеях в точку большого взрыва, потом исчез. Кажется, Май наблевала на пол.

Вернувшись, б-мать отвесила Май подзатыльник. Пол покрывали полупереваренные аймакароны. Май всхлипывала и помогала оттереть их. «Нет, идиотка, кто же так делает — дай тряпку, я сама!» — зашипела б-мать.

Этим вечером она снова ушла. Май спряталась под матрас, спасаясь от кровавых сполохов.

Прошло ещё две-три одиноких ночи, после которых Май не хотелось ни есть, ни говорить, вообще ничего не хотелось — только спать, а надо было заполнять какие-то тесты, читать какие-то буклеты, чтобы не ходить в местную школу. Чистеньких соплячек, у которых на лбу написано — офисный отпрыск, не любят в рабочих районах. Так часто говорила б-мать, высокомерно кривя губы.

В одну из одиноких ночей на комбинате что-то сломалось — совсем — и в воздух взмыл сигнал воздушной тревоги. Голос очень злого и несчастливой человека приказывал Май не

выходить из квартиры. Она зажгла было лампочку, одиноким сперматозоидом — каких рисуют в детских книжках — повисшую с потолка, но с бесцветным ртутным светом было ещё хуже, и тогда девочка дрожащими негнушимися руками нахлобучила шлем. Предусмотрительно села на матрас. По синему дисплею снова пополз червяком бегунок. Зайти как Май17 с паролем *****? Зайти, выдохнула Май.

Стояла весна. Солнечные лучи играли на лицах прохожих, микромашини распыляли запах цветущей сирени. стакан айколы холодом обжигал ладонь, другую ладонь держала мама. Хотя было что-то странное, какой-то иной запах, пробивавшийся из-под захватившего город сиреневого лёгкого тумана. Но девочке не хотелось думать об этом.

— Мама, — Май дёрнула мать за рукав, — ма-ма.

Она подняла руку, пытаясь указать что-то, но лишь расплескала колу. Тогда мама взяла у неё бумажный стакан.

— Там, — Май ткнула в небо над рекой, — птица! Странная.

Мама, закрыв от солнца глаза, посмотрела в небо, но никакой птицы не увидела. По только освободившейся ото льда реке проплывал белоснежный речной трамвай. По небу стелились редкие высокие облака.

Но что-то было не так — птица приближалась, игнорируемая улыбающейся матерью, разрасталась чёрной грозовой тучей, пока не заполнила всё небо. Ближе, ближе.

— Ма-ма!

Божество-птица, развернув голову в профиль, взглянуло на них. И вот они уже падают на дно её жёлтого глаза, летят сквозь чёрный портал зрачка. Дальше, выше!

Всё смолкло внезапно. Прекратилось. Май видела себя вместе с матерью словно бы со стороны. Город пропал, сгинул вместе со всем своим великолепием, остался лишь мост, а под ним, вдаль, до горизонта простиралось волнистое золотое поле ржи.

Распахнув рот от удивления, Май таращилась сквозь внезапно покрывшийся ржавчиной металлический парапет на поле.

— Муха залетит, — сказала присевшая рядом мама, и её дыхание на шее Май напоминало ветерок, волнующий колосья.

— Май?

— Да, мама.

— Слушай внимательно.

— Да?

— Нам нужно прыгнуть. Ты же не боишься?

Май взглянула на мягкие жёлтые волны, над которыми клубились низкие светло-синеватые тучи, и сказала уверенно:

— Нет.

Раз, два, три — они оттолкнулись от стремительно ветшающего металлического полотна и взмыли над полем. Потом сила тяжести мягко потянула их вниз. А позади рассыпались в прах останки моста, ветер подхватывал мелкие пылинки и, кружа, уносил вдаль...

...Черным-чёрно вокруг. «Надеюсь, мои глаза не лопнули и не забрызгали шлем, а то б-мать рассердится», — подумала Май. Стянув с головы горячую конструкцию, она почувствовала странный и гадкий дымный запах. В окно задувало с улицы, ветер тихонько скулил, как побитый. По стеклу размазывался кислотный дождь. Ноги Май совсем озябли от бетонного пола и не желали сгибаться в коленях. Из носа текло — кровь пополам с соплями. Следовало умыться. Хотелось рассказать маме — про птицу и поле, про ветер и всё-всё-всё. Кажется, она вернулась.

В санузле шумел вентилятор, взвизгивая противным голосом, как бабушка в моменты истерик. Май осторожно приоткрыла дверь.

На покрытых испариной плитках стены ровно гудела аварийная лампочка. Противный ненастоящий свет гонял по потолку зайчиков от воды. От полной ванны воды, от полной ванны зайчиков. А в воду тянулся шнур от чадающей розетки. Прямо под воду тянулся.

В ванне лежала мать — неожиданно маленькая и голая. Рыжие длинные волосы облепили эмалированный бортик и шлем. Новый, серебристый. На полу в луже валялись пупырчатая упаковка и коробка: «I-vidia double vision». А б-мать лежала в ванне, согнув в коленях ноги, и не кричала на Май, хотя прежде никогда не позволяла входить в санузел, если она им пользуется.

Она даже улыбается Май из-под воды — одними губами, глаз не видно из-за шлема.

Мама, говорит Май. Мама, мама, мам, мам, мама!

А потом садится в холодную лужу и хлопает пупырки одну за другой. Не глядя на пальцы, сжавшие бортик.

— Я так и не узнала, была ли там, внутри, настоящая мама, или это был просто цифровой призрак. Смесь электрических импульсов и галлюциногенных выделений нано-ботов... Ипри-зрак... И чем больше теперь об этом думаю, тем больше не знаю... Но ТАМ она на меня не кричала. Может — там мы могли бы нормально общаться...

В конце улицы среди разномастных автомобильных спин замаячил автобус.

— Зачем вы мне всё это рассказывали? — устало спросил слушатель, сворачивая газету.

— Купите таблеток, — предложила Май, протягивая кулёк.

Стоял месяц май, над городом плыл лёгкий флёр ипыльцы, а микромашины разносили запах цветущей сирени.

Март 2008

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.